

© 2018 г.

И. И. ОРЛИК

**МОСКВА — ПРАГА:
НАКАНУНЕ ЧЕХОСЛОВАЦКОЙ ТРАГЕДИИ.
По материалам архива Министерства иностранных дел
Чешской Республики**

Орлик Игорь Иванович — доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института экономики РАН, Заслуженный деятель науки РФ (Москва, Россия).

Истории Мюнхенских соглашений по Чехословакии посвящены сотни публикаций. Известно, что в поддержку Чехословакии выступал Советский Союз. Позиции двух европейских держав и Советского Союза довольно детально освещены в документальных публикациях и в многочисленных исследованиях¹.

И все же некоторые материалы Архива министерства иностранных дел Чешской Республики позволяют более детально, а иногда и по-новому, осветить эти трагические для Чехословакии события. Об этом свидетельствуют, в частности, донесения («шифровки») чехословацкого посольства в Москве, направлявшиеся в Прагу². Многие из них адресованы президенту Э. Бенешу. Большинство из них было подписано посланником Зденеком Фирлингером.

ВЕСТИ ИЗ МОСКВЫ

В Москве в конце 1937 — начале 1938 гг. внимательно следили за изменениями в политике Франции и Англии относительно явных германских притязаний к соседним странам. 4 января 1938 г., после очередной встречи с заместителем наркома иностранных дел СССР В. П. Потемкиным, З. Фирлингер сообщил в Прагу: «Потемкин считает, что во Франции усиливаются настроения капитуляции в связи с требованиями Германии»³.

Через неделю Фирлингер сообщает о ликвидации в СССР ряда консульств в течение двух месяцев и о закрытии Чехословацкого консульства в Киеве. Два немецких консульства остаются на основе взаимности⁴.

¹ История дипломатии, т. 3. М., 1945; *Матвеев В. А.* Провал мюнхенской политики (1938—1939 гг.). М., 1955; Новые документы из истории Мюнхена. М., 1958; Внешняя политика Чехословакии. 1918—1939. М., 1959; *Ротштейн Э.* Мюнхенский сговор. М., 1959; СССР в борьбе за мир накануне Второй мировой войны (сентябрь 1938 — августа 1939 г.): документы и материалы. М., 1971; Документы внешней политики СССР, т. XXI. М., 1977; Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений. М., 1978. Т. 3; Документы по истории Мюнхенского сговора. 1937—1939 г. М., 1979; Документы и материалы кануна Второй мировой войны. 1937—1939 г. М., 1981. т. 1: ноябрь 1937 — декабрь 1938 г.; Год кризиса. 1938—1939. Документы и материалы. М., 1990, т. 1: 29 сентября 1938 — 31 мая 1939 г.; *Československá zahraniční politika v roce 1938.* Praha, 2000. Sv. 1 (1 leden — 30 červěn 1938); *Československá zahraniční politika v roce 1938.* Praha, 2001. Sv. II (1 července — 5 říjen 1938). *Fierlinger Z.* Ve službách ČSR. Praha, 1947. Díl 1.

² Автор настоящего очерка ознакомился с ними в Архиве МИД Чешской Республики. — *Archiv Ministerstva zahraničních věcí. Politický zprávy* (далее — AMZV).

³ AMZV, Moskva, 4.01, č. 7/38.

⁴ *Ibid.*, č. 17/38.

В ходе встреч Фирлингера с Потемкиным детально обсуждались вопросы советских военных заказов для заводов «Шкода», о чем сообщалось в начале февраля 1938 г. Э. Бенешу.

2 февраля в Прагу отправлена шифровка: «Господину Президенту Бенешу и министру Крофте. По соглашению сегодня Громадка договорилась о поставке заводами «Шкода» зенитного вооружения». Далее следовали технические параметры вооружения и соображения о перспективах его производства. Обращают на себя внимание две заключительные констатации в шифровке: возможность «занятости на ряд лет», а также «благоприятные платежные условия»⁵. Во-первых, речь идет об обычном торговом соглашении и, во-вторых, о сотрудничестве на длительную перспективу, т.е. собственно военный аспект соглашения здесь отсутствует. Совершенно очевидна обоюдная заинтересованность Советского Союза и Чехословакии в длительном сотрудничестве. В то же время явной угрозы в ближайшее время со стороны Германии правительство Чехословакии, как будто, не ощущает.

4 февраля Фирлингер отправляет в Прагу секретную, довольно большую, шифровку, в которой излагаются события последнего времени в Москве, а также реакция на некоторые внешнеполитические заявления в Праге и в других европейских столицах. Тесной связи между ними нет. Но все же они отражают важные для Праги обстоятельства. Вот некоторые из них.

В Москве вызвала обеспокоенность новогодняя речь в Праге, в зале Люцерна, председателя аграрной партии Р. Берана, который, якобы, заявил о «возможности новой внешнеполитической ориентации и радикальных внутривнутриполитических переменах». Настораживает статья в газете «Лидове новины», где содержатся «мысли о договоренности с Германией на любых условиях»⁶. Сообщается также о публикации в московской «Правде» статьи с критикой чехословацкой реакции, пытающейся сформировать новую коалицию на основе договоренности аграрной партии с генлейновцами. Результатом может быть, комментирует Фирлингер, «изменение нашей внешней политики в отношении оси Берлин — Рим и к Варшаве». Далее Фирлингер сообщает: «Потемкин в разговоре со мной интересовался значением активизации курса нашей аграрной партии». Фирлингер ответил Потемкину, что никаких изменений во внешней политике Чехословакии не будет.

В связи с обстановкой в Германии Москва оценивает снижение ее военной готовности и смотрит на события «менее драматично, чем Прага». Потемкин отметил, что нет надежд на улучшение сотрудничества с Англией в больших вопросах международной политики.

В шифровке обращается внимание на интервью наркома иностранных дел М. М. Литвинова корреспонденту газеты «Temps», в котором он заявил, что СССР может «хорошо договориться с Германией, которая выступает достаточно корректно, предлагает постоянно экономические выгоды»⁷.

Здесь же Фирлингер приводит положительный отзыв Потемкина о немецком после в Москве Шульенбурге. Далее речь идет о Франции. «В разговоре со мной Литвинов и Потемкин всегда указывали на негативное отношение французского генерального штаба, недоверие французских правящих кругов к Москве»⁸.

После захвата Германией Австрии, ввода туда германских войск 12 марта 1938 г., Фирлингер сразу же встретился с Потемкиным. 15 марта он сообщает в Прагу: «В связи с новой ситуацией, связанной с аннексией (Австрии. — *И. О.*), сообщил

⁵ AMZV, 2.02, č. 62/38.

⁶ AMZV, 14.02, č. 120 (dův.).

⁷ Ibidem.

⁸ Ibidem.

Потемкину, что знаю о выступлениях Геринга и Нейрата в отношении нас и сказал, что хотя непосредственная угроза прошла, считаем, что давление Германии будет действенным. Спросил Потемкина, можно ли быть уверенным, что Франция выполнит договор с СССР. Ответ был утвердительным, но добавил при этом, что отношение Франции к СССР не достаточно искреннее⁹. Кстати, Чехословакия признала аннексию Австрии, надеясь таким образом отвести от себя угрозу со стороны Германии.

В шифровке в Прагу 16 марта сообщается о беседе Литвинова с американским журналистом: «На вопрос американского журналиста, что предпримет СССР в случае нападения на Чехословакию, Литвинов вчера заявил, что, конечно, СССР выполнит все договорные обязательства. На дальнейший вопрос, как вы можете помочь, он ответил, что какой-то коридор найдем»¹⁰. Такой же ответ дал Литвинов 15 марта американскому журналисту Шапиро на приеме в иранском посольстве¹¹.

В депеше министру иностранных дел Крофте 23 апреля 1938 г. Фирлингер сообщает: «В Кремле состоялось совещание, на котором присутствовали Сталин, Молотов, Ворошилов, Литвинов и Каганович. После заслушанного реферата Александровского (полпреда СССР в Праге. — *И. О.*) о политической ситуации в Чехословакии было решено: СССР, если его попросят, в соответствии с соглашением с Францией и Чехословакией готов оказать содействие мерами по обеспечению безопасности Чехословакии. Состояние армии и воздушного флота это позволяет. Ворошилов очень оптимистичен... Александровский уполномочен передать это президенту Бенешу»¹².

В шифровке Фирлингера от 29 апреля сообщалось: «Вчера английский военный атташе полковник Файрлбрэйс сказал мне, что он был принят Ворошиловым, который заявил: армия готова выступить в защиту Чехословакии, если так поступит и Франция. Файрлбрэйс мне добавил, что, по его мнению, советской армии не хватает организованности в результате чистки; что можно за год восстановить? Немцы в русское вмешательство не верят. Подозреваю, что Файрлбрэйс имел раньше тесные связи с немецким посольством»¹³.

В течение лета 1938 г. из Москвы в Прагу шла подробная информация о подготовке возможных полетов советских самолетов через Киев и Ужгород в Прагу, об обеспечении военной связи, о переговорах с Румынией относительно «коридора» и т.д.¹⁴ Одновременно сообщалось о проблемах советско-чехословацкого военно-экономического и технического сотрудничества. 30 июня Э. Бенешу была направлена шифровка о пребывании в Москве представителей промышленности Чехословакии: «Вера Громадко и Гусачек три часа беседовали со Сталиным и Молотовым. Сегодня Громадко подписала соглашение о техническом сотрудничестве, распространяемое на всю нашу промышленность. Фирлингер»¹⁵.

Однако, ведя политические, экономические и военные переговоры с Москвой, правительство Чехословакии все еще надеялось на возможность соглашения с Германией при поддержке Англии и Франции. Даже тогда, когда из Москвы прозвучали слова о возможной помощи Праге, «не дожидаясь Франции»¹⁶, такая помощь

⁹ AMZV, 15.03, č. 207/38.

¹⁰ Ibid., 16.03, č. 218/38.

¹¹ Ibid., 16.03, č. 343/38.

¹² Ibid., 16.03, č. 380/38.

¹³ AMZV, Moskva, 29.04, č. 409/38.

¹⁴ Ibid.

¹⁵ Ibid., 30.06, č. 578/38.

¹⁶ Цит. по: История Чехословакии, т. 3. М., 1960, с. 305.

была отвергнута. В конце апреля 1938 г. Бенеш говорил советскому посланнику в Праге: «В существующих отношениях между Парижем — Прагой — Москвой всегда соблюдался принцип, что Прага не проявляет инициативы и сама не будет вести переговоры, особенно о военных делах. Несколько раз было сказано Парижу, что этого мы сделать не можем ввиду своей исключительной ситуации и в силу лояльности по отношению к Польше и Румынии. Мы можем присоединиться только к тому, о чем перед этим раньше договорились Париж с Москвой, точно так же, как мы присоединились к политическому договору, ранее согласованному между Парижем и Москвой»¹⁷.

Дальнейший ход событий привел к трагическому финалу. Все попытки Бенеша и правительства договориться с Германией были бессмысленны. Еще 30 мая 1937 г. Гитлер утвердил план военного нападения на Чехословакию не позже 1 октября 1938 г. Так что все компромиссные предложения Чехословакии либо отвергались Германией, либо умышленно затягивалось их обсуждение.

ВСТРЕЧИ С ЗАПАДНЫМИ ДИПЛОМАТАМИ

Судя по многочисленным пропускам (иногда довольно значительным) в нумерации шифровок, деятельность чехословацкого посольства была весьма обширной. К сожалению, в архивном фонде Фирлингера очень мало сведений об отношениях с дипломатическими представителями ряда стран. Хотя из других источников известно о многочисленных встречах и переговорах представителей чехословацкого посольства в Москве, да и самого посланника Фирлингера, других европейских стран, дипломатические миссии которых находились в Москве. А их было довольно много.

В донесениях в Прагу довольно часто сообщается о внутривнутриполитической жизни в Советском Союзе. Так, 21 февраля в секретной шифровке за подписью Фирлингера содержатся сведения о первом заседании Верховного Совета СССР, формировании нового правительства и внешнеполитического совета во главе с А. А. Ждановым. Излагаются два выступления по внешней политике. При этом выделена проблема взаимности в количестве консульств в СССР и за рубежом. Жданов, в частности, отметил, что в СССР больше иностранных консульств, чем советских в ряде стран. В. М. Молотов в своем докладе подчеркнул, что некоторые консульства занимаются враждебной деятельностью. Такую ситуацию нельзя терпеть. Этим объясняется закрытие японских консульств в Новосибирске и Одессе, польских — в Харькове и Тбилиси, немецких — в Ленинграде, Харькове, Одессе, Тбилиси и Владивостоке. Все эти консульства были закрыты к 15 января¹⁸.

27 февраля в Прагу ушла шифровка: «В здешних англо-американских дипломатических кругах осуждают политику Чемберлена и выражают надежду, что, в конечном счете, последствия кризиса будут положительные. Лорд Чилстон мне сказал, что читал выступление генерала Крайчи с облегчением. Политику Сталина критикует... В этом же направлении интерпретирует его последнюю речь. Фирлингер»¹⁹.

После аннексии Германией Австрии и ощущаемой угрозе Чехословакии сообщения Фирлингера в Прагу подчинены выяснению реальности этой угрозы. Этому были посвящены все действия чехословацкого посольства в Москве.

18 марта в Прагу направлено сообщение о беседе Фирлингера с находившимся в Москве лордом Чилстоном: «Сказал доверительно Чилстону, что Москва дала

¹⁷ Там же.

¹⁸ AMZV, Moskva, 21.01, č. 117 (dův.).

¹⁹ AMZV, Moskva, 27.02, č. 143/38.

нам бесспорное подтверждение выполнить достигнутые соглашения. Не считаем скрывать эту инициативу Москвы. Чилстон был этим удивлен»²⁰. В одной из шифровок в марте сообщается о мнении представителя Госдепартамента США и впредь проводить политику «полной изоляции в отношении Европы». Приход к власти Гитлера в Германии «усиливает позиции изоляционистов»²¹.

В донесениях в Прагу Фирлингер упоминает о встречах и беседах с американским послом в Москве Д. Дэвисом. Возглавляя в 1936—1938 гг. посольство США, Дэвис руководствовался изоляционистской политикой Рузвельта. Но зарекомендовал себя сторонником расширения советско-американских отношений. В частности, он содействовал заключению советско-американского соглашения 1937 г. о торговых отношениях²². Покидая летом 1938 г. свой пост посла в СССР, когда уже ощущалась угроза Чехословакии со стороны Германии, Дэвис в беседе с Фирлингером выразил свое отношение к разворачивавшимся событиям.

7 июня 1938 г. Фирлингер сообщает в Прагу о встрече с американским послом: «Дэвис посетил меня и подробно информировал о двухчасовой беседе со Сталиным. Содержание разговора было скорее личным, неполитическим. Отношение к отъезжающему послу — симптом хороших отношений между СССР и США. Дэвис передал привет господину президенту Бенешу. Чехословакия — единственная страна в Европе, за которую американцы хотели бы воевать»²³.

Это заявление Дэвиса не носило официального характера. Во-первых, он уже покидал свой пост посла в Москве, и, во-вторых, было известно, что конгресс США еще в 1935 г. принял закон о нейтралитете.

9 июня шифровка в Прагу: «Господину министру Крофте. Шведский посол мне доверительно сообщил, какой ответ ему дал Потемкин на вопрос о механизме Пакта (о помощи Чехословакии. — *И. О.*) и о намерениях СССР в случае конфликта. Потемкин ему изложил различные гипотетические варианты в случае, если Франция мобилизуется или останется пассивной. У шведского посла впечатление, что Советы ошибаются в оценке действительных намерений Франции и хотели бы остаться в стороне. Думаю, что интерпретация шведского посла слишком субъективна, тем не менее опасаясь, что значение Франции в практической реализации Пакта может и здесь вызвать серьезное движение. Фирлингер»²⁴.

НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ ПОЗИЦИИ БЕНЕША

Ведя переговоры с Москвой о деталях помощи Чехословакии в случае германской агрессии, правительство Чехословакии весьма сдержанно реагировало на конкретные военные планы участия советских войск на территории республики. С этим связаны и дипломатические контакты с Германией.

В мае 1935 г. Бенеш заявил, что если Франция будет «сговариваться с Гитлером, то мы также постараемся договориться с ним»²⁵. Спустя год, в апреле 1936 г. Бенеш подтвердил возможность чехословацко-германского соглашения. Он неоднократно заявлял, что Чехословакия придерживается средней линии, являясь «во внешней политике страной центра между Западом и Востоком Европы»²⁶.

²⁰ AMZV, Moskva, 18.03, č. 243/38.

²¹ AMZV, Moskva, 14.03, č. 203/38.

²² В 1942—1946 гг. Д. Дэвис был председателем Контрольного совета США по оказанию помощи союзникам во время войны. В мае — июне 1943 г. вел переговоры с И. В. Сталиным. Участвовал в ранге посла в Потсдамской конференции. В 1945 г. награжден орденом Ленина.

²³ AMZV, Moskva, 07.06, č. 536/38.

²⁴ AMZV, Moskva, 09.06, č. 539/38.

²⁵ Цит. по: История Чехословакии, т. 3, с. 290.

²⁶ Там же, с. 293.

В ноябре и декабре 1936 г. в Праге состоялись переговоры Бенеша с уполномоченными представителями Берлина относительно заключения двустороннего соглашения по типу германо-австрийского от 11 июля 1936 г.

В течение 1937 г. в Праге продолжались переговоры с представителями Германии относительно чехословацко-германского соглашения. И это в то время, когда на севере страны активизировалась деятельность судето-немецкой фашистской организации, возглавляемой Г. Генлейном. В ходе этих переговоров были сделаны одна за другой серьезные уступки Германии, в частности в сентябре 1937 г. по поводу проведения в 1938 г. муниципальных выборов в Судетах, где партия Генлейна открыто призывала к вхождению в Германию.

Детальный, опирающийся на архивные документы, анализ хода чехословацко-германских переговоров был в свое время проведен историком С. И. Прасоловым в большом очерке «Секретные чехословацко-германские переговоры (1936—1937 гг.)», опубликованном в двух номерах журнала «Новая и новейшая история»²⁷.

С. И. Прасолов приходит к выводу, что Бенеш продолжал держаться за прежние условия урегулирования с Германией. К тому же, как раз ко времени секретных чехословацко-германских переговоров, Франция, наконец, решилась оказать — пусть недостаточно решительную и весьма запоздалую — но все же явную поддержку бенешевским проектам договора о взаимной помощи между Чехословакией, Румынией и Югославией.

Инициатива прекращения переговоров исходила от гитлеровской клики. Она уже приняла решение об уничтожении чехословацкого государства: это в общем виде отражал план «Шулунг» и конкретизировала директива о разработке плана «Грюн». Пакт о ненападении на чехословацких условиях был отвергнут, ибо он не облегчал агрессию, а мог лишь стеснить свободу действий германского фашизма.

Пакт о ненападении между Германией и Чехословакией был похоронен окончательно. Но поднятые в ходе переговоров о нем вопросы не исчезли. Политическая, дипломатическая и экономическая борьба вокруг них продолжалась. В новой обстановке она велась иными методами и в иных формах. В дальнейших действиях гитлеровцев просматривалось определенное разделение функций между ведомствами, причастными к отношениям с ЧСР. В контактах с чехословацким посольством представители бюро Риббентропа обходили вопросы о договоре Чехословакии с СССР и о судетских немцах. Занимать непримиримую позицию по этим двум вопросам и проводить стратегическую линию, целью которой было уничтожение чехословацкого государства, было возложено на официальную дипломатию Нейрата. Средством решения проблемы явилось использование реакционных сил в Чехословакии и на международной арене. Решающую ставку здесь, особенно с мая 1937 г., после прихода к власти кабинета Н. Чемберлена, фашистский агрессор окончательно сделал на Англию.

Другие гитлеровские органы получили задачу реализовать тактические преимущества, приобретенные в ходе переговоров. Чтобы руководство ЧСР не пошло на попятный, Берлин подогревал у него надежду, что добросовестное выполнение чехословацких авансов по отдельным вопросам могло бы в конце концов возродить предпосылки для урегулирования межгосударственных отношений²⁸.

Из шифровок Фирлингера также видно, что президент Э. Бенеш пытался наладить отношения с Германией и, таким образом, предотвратить угрозу германской агрессии. По существу и в 1938 г. проявлялась неопределенность позиции Бенеша

²⁷ Прасолов С. И. Секретные чехословацко-германские переговоры (1936—1937 гг.). — Новая и новейшая история, 1982, № 5, с. 119—138; № 6, с. 139—158.

²⁸ Прасолов С. И. Указ. соч. — Новая и новейшая история, 1982, № 6, с. 153—154.

в связи с возможным противодействием агрессии. После заключения 2 мая 1935 г. советско-французского договора о взаимной помощи 16 мая в Праге был подписан аналогичный советско-чехословацкий договор. Но в этот договор по инициативе Бенеша была внесена важная оговорка: участники договора «признают, что обязательства взаимной помощи будут действовать между ними, поскольку при наличии условий, предусмотренных в настоящем договоре, помощь Стороне — жертве нападения будет оказана со стороны Франции»²⁹.

Вряд ли Бенеш предполагал тогда трагические последствия этой оговорки для судьбы его страны через три года, во время подписания Мюнхенских соглашений. Но и в 1935 г., и позже Бенеш продолжал лавировать, исходя из позиции, что Чехословакия является «во внешней политике страной центра между Западом и Востоком Европы»³⁰.

НЕРЕАЛИЗОВАННЫЕ ЗАМЫСЛЫ

Весна и лето 1938 г. были временем активных переговоров в Москве о возможных подготовительных военных мероприятиях в связи с явной угрозой германской агрессии против Чехословакии.

После беседы с французским послом в Москве Кулондром, который, якобы, заявил о готовности Франции выполнить свои обязательства перед Чехословакией, Фирлингер 14 апреля запрашивает у Крофты подробные инструкции и технические условия полетов самолетов из СССР в Чехословакию через румынскую территорию³¹. На другой день Фирлингер получил из Праги ответ: «Вашему телеграфному сообщению о разговоре с Кулондром придаем большое значение... Пришлем вам инструкции. До тех пор ни с кем не ведите переговоры. Крофта»³².

20 апреля посольство получило сообщение: «Чехословацкие аэролинии готовы летать трижды в неделю через Клуж — Киев. Будет ли готов Аэрофлот обслужить маршрут Киев — Москва — Киев?»³³.

В течение июля и августа президенту и министру иностранных дел одна за другой идут шифровки о конкретных делах по подготовке воздушного коридора между СССР и Чехословакией.

10 июля Бенешу и Крофте направлено сообщение: «По мнению здешних известных специалистов, стоящих во главе Аэрофлота, Молокова, Шлепнева и Новикова, можно и зимой летать на трассе Москва — Прага. Пока Клуж не будет приспособлен, можно иметь в виду прямой перелет Киев — Ужгород. Затем при согласии Румынии резервируем возможность зимних полетов. Предполагается улучшение ужгородского аэродрома. Фирлингер»³⁴.

Однако скоро стало известно, что румыны уклонились от соглашения о полетах.

В августе 1938 г. продолжались согласования между двумя странами вопросов военно-технического сотрудничества. Советская сторона была заинтересована в разработке и поставке для армии чехословацкого оружия, особенно артиллерийских орудий.

26 августа была отправлена шифровка: «Доверительная информация для господина Президента. Громадка отмечает лояльное отношение советской стороны при

²⁹ Цит. по: История Чехословакии, т. 3, с. 247.

³⁰ Там же, с. 293.

³¹ AMZV, Moskva, 14.04, č. 350/38.

³² Ibid., 15.04, č. 412/38.

³³ Ibid., 20.04, č. 419/38.

³⁴ AMZV, Moskva, 10.07, č. 590/38.

испытаниях, тем не менее нам указали, что наше орудие 105 для русских условий до сих пор несовершенно. Советские специалисты добавили, что орудие имеет серьезные недостатки, которые проявились при крайней загрузке. В других вооружениях результаты положительные, также подтверждается, что советская артиллерия хорошая, в последние годы достигнут значительный прогресс. Фирлингер»³⁵.

В шифровке, отправленной в Прагу 27 августа, Фирлингер сообщал об очередной встрече с Потемкиным: «Потемкин очень скептически оценивает политику Франции. Он подозревает Даладьё в том, что тот умышленно вызывает внутренние споры (в стране. — *И. О.*), чтобы Франция в критический момент не смогла бы вступить за Чехословакию. Я сказал ему, что это ваше мнение пессимистично. Потемкин меня заверил, что обмен взглядами между нашими штабами будет поддерживаться. Фирлингер»³⁶.

В середине сентября в Прагу идут шифровки с сообщениями о точках зрения послов в Москве на возможное развитие событий в Чехословакии. Выделяется беседа с американским послом, в частности его сообщение о двухчасовой беседе со Сталиным³⁷.

Советские дипломатические службы в эти тревожные дни поддерживали прямую, помимо чехословацкого посольства, связь с Прагой. Об этом свидетельствует направленная 25 сентября из посольства шифровка: «Наркоминдел просит срочно установить радиотелефонную связь, так как связь через Варшаву заблокирована. Фирлингер»³⁸.

В тот же день еще одна шифровка: «Срочно. Наркоминдел желает, кроме радиотелефонной связи, установить телефонную связь через Румынию. Для этого будет установлен один телефонный провод, соединяющий Тирасполь и Тигин. Оба города имеют присоединение к своей телефонной связи. Примите срочные меры в Бухаресте. Сообщите. Фирлингер»³⁹.

В ответ, на другой день в Москву пришло сообщение о том, что «министерство почт договорилось об установлении телефонной линии через Румынию»⁴⁰. Судя по шифровкам, переговоры с румынской стороной касались не только телефонной связи, но и других, важных внешнеполитических вопросов⁴¹.

Шифровки в Прагу и ответы Фирлингеру отражают напряженную обстановку, которая возникла после 20 сентября. Приближалась развязка сговора Англии и Франции с Германией относительно Чехословакии.

Советское правительство, пытаясь полностью осознать складывающуюся ситуацию, обратилось к Фирлингеру с просьбой выяснить отношение балканских стран к чехословацкой проблеме. 24 сентября Фирлингер запросил Прагу: «Срочно сообщите официальное отношение Югославии и Румынии. Необходимо для завтрашнего заседания правительства. Фирлингер»⁴².

В тот же день из Праги пришла шифровка: «Румыния и Югославия многократно заявляли, что в случае венгерского нападения на Чехословакию выполнят свои договорные обязательства. Пока речь идет о проходе через Венгрию, оба правительства определенно не высказались. Крофта»⁴³.

³⁵ AMZV, Moskva, 26.08, č. 694/38.

³⁶ AMZV, Moskva, 27.08, č. 698/38.

³⁷ AMZV, Moskva, 25.09, č. 936/38.

³⁸ AMZV, Moskva, 25.09, č. 920/38.

³⁹ Ibid., č. 936/38.

⁴⁰ Ibid., č. 13590/38.

⁴¹ Ibid., č. 937/38.

⁴² AMZV, Moskva, 24.09, č. 909/38.

⁴³ Ibid., č. 1320/38.

Конец сентября. Посольство продолжает постоянную связь с Прагой. 26 сентября из Праги пришла шифровка: «Министерство почт интересуется установление телефонной линии через Румынию. Предложите наркоминделу установить радиотелефонную связь пока наши коротковолновые станции не будут вещать. Фрирман»⁴⁴.

В тот же день Фирлингер ответил: «Предложите румынскому правительству восстановить переговоры о гражданской авиалинии, а также договориться с Москвой. Переговоры могли бы быть завершены в Москве... Мне было доверительно сообщено, что СССР примет румынскую формулу о границах. Такая договоренность в настоящий момент может иметь значительное психологическое значение. Отвечайте. Фирлингер»⁴⁵.

Но все эти попытки спасти положение были обречены на провал.

Накануне мюнхенского сговора, когда уже было ясно о возможном решении в отношении Чехословакии, Фирлингер 29 сентября направляет шифровку в Прагу: Вчера Потемкин «со мной полностью согласился, что в случае агрессии процедура в Женеве может быть очень краткой»⁴⁶. И далее он подтверждает, что СССР согласен выступить в защиту Чехословакии, отправить в Прагу специалистов и высших офицеров воздушных сил, которые «подготовлены для срочного отлета в Чехословакию в случае необходимости»⁴⁷.

В последующие дни, когда уже было известно о мюнхенском решении, в Прагу идут сообщения о негативном отношении к ним Москвы, о реагировании на позицию Польши. (Дальше в архивном фонде Фирлингера большие пропуски — от № 1025 до № 1255). В ноябре сообщения о готовности Москвы к дальнейшему экономическому сотрудничеству, заказах и оплате за поставки машин, строительной техники, детальные обсуждения отношений с заводами Шкода и т.д.⁴⁸

Из политических проблем — сообщение о докладе Молотова на торжественном собрании в Большом театре в связи с годовщиной Октябрьской революции, изложение текста доклада с выделением событий в Чехословакии и мюнхенском решении⁴⁹.

Последние две шифровки из фонда Фирлингера отправлены в Прагу 14 февраля 1939 г. В них сообщается об изменениях в советском правительстве, о встречах Фирлингера с Потемкиным и Литвиновым. И совершенно неожиданная для официального письма (кстати, на 9 страницах!) фраза о «вере в будущее»⁵⁰.

АГОНИЯ РЕСПУБЛИКИ

20 сентября английский и французский послы в Праге вручили Бенешу ноту с требованием передать Германии пограничные районы. Бенеш ответил отказом. Тогда в ночь с 20 на 21 сентября Бенешу те же послы предъявили ультиматум: либо безоговорочная и немедленная капитуляция, либо Англия и Франция оставляют Чехословакию один на один с Германией⁵¹.

После заседания вечером 21 сентября правительство сообщило по радио о принятии плана двух держав. Правительство подало в отставку.

⁴⁴ AMZV, Moskva, 26.09, č. 1359/38.

⁴⁵ Ibid., č. 937/38.

⁴⁶ AMZV, Moskva, 29.09, č. 917 (dův.).

⁴⁷ Ibidem.

⁴⁸ Ibid., 8.11, č. 1255/38.

⁴⁹ AMZV, Moskva, 9.11, č. 1013 (dův.).

⁵⁰ Ibid., 14.02, č. 68 (dův.).

⁵¹ Beneš E. Mnichovské dny. Praha, 1968, s. 558.

29—30 сентября в Мюнхене Чемберлен, Даладье, Гитлер и Муссолини подписали соглашение о передаче Германии важнейших пограничных районов Чехословакии.

Судетская область была присоединена к Германии. Польша оккупировала Тешинскую Силезию. Венгрия южные районы Словакии и восточную часть Подкарпатской Руси. Чехословакия потеряла около четверти своей территории и населения.

Мало известно о тяжелой психологической обстановке, в которой проходило подписание Мюнхенских соглашений. В вышедшей в Праге в 1987 г. книге чехословацкого историка Карела Доудеры «Республика в кредит» приводится описание той обстановки руководителем отдела Министерства иностранных дел Чехословакии Губертом Масаржиком, который вместе с чехословацким послом в Берлине Войтеком Мастным вынужден был ожидать в приемной. В своем донесении в Прагу он писал: «В один час тридцать минут мы были приглашены в зал заседаний, где находились Невилл Чемберлен, Даладье, сэр Гораций Вильсон, Леже, Гваткин... Чемберлен в коротком вступительном слове упомянул о только что подписанном соглашении и предложил послу Мастному прочесть весь текст... Пока посол уточнял детали (Чемберлен то и дело откровенно зевал), я спросил Даладье и Леже, ожидают ли они какого-то ответа со стороны нашего правительства на предлагаемое соглашение. Даладье — видимо, от растерянности — молчал, но Леже, сославшись на отсутствие времени, заявил, что никакого ответа от нас уже не ждут, что соглашение считается принятым... Обстановка становилась для всех присутствующих тягостной, нам было в довольно грубой форме сказано, и именно французом, что приговор обжалованию не подлежит, равно как и изменениям... Чехословацкая республика в границах 1913 г. перестала существовать»⁵².

Как описывает, ссылаясь на документы, К. Доудера, в 6 часов утра 30 сентября 1938 г. поверенный в делах германского посольства в Праге Андор Генке вручил ноту своего правительства с текстом мюнхенского соглашения министру иностранных дел Камилу Крофте. Это был ультиматум, не дававший времени на размышления. Предлагалось начать эвакуацию с тех территорий, которые отходили от Чехословакии к Германии, уже на следующий день — 1 октября и закончить ее в течение 10 дней. На чехословацкое правительство возлагалась ответственность за полную сохранность всего оборудования на покидаемой территории. В том числе и на только что возведенных пограничных укрепленных пунктах, передававшихся германской армии в полном порядке⁵³.

Далее К. Доудера сообщал о том, что чехословацким послам в Париже и Лондоне было направлено распоряжение Бенеша, чтобы они обратили внимание правительства и генерального штаба (Франции и Англии) на то, что «мюнхенскими решениями нас вынудили отдать укрепления в полном порядке и с вооружениями. Обратите внимание, что тем самым они приложили руку к вооружению Гитлера, ибо в укрепленных пунктах, которые мы вынуждены покинуть до 10 октября, находятся орудий, пулеметов и боеприпасов на сумму в два миллиарда крон»⁵⁴.

Заслуживает внимания и приводимые в книге К. Доудеры сведения о колебаниях Э. Бенеша при принятии решения об обращении к СССР за помощью. Детали

⁵² Доудера К. Республика в кредит. Выдержки из книги. — Литературная газета, 5.X.1988, № 40, с. 14.

⁵³ Там же.

⁵⁴ Там же.

документально подтвержденных событий подробно изложены известным историком — большим знатоком новейшей истории Чехословакии В. В. Марьиной⁵⁵.

В 5 часов 45 мин. 30 сентября в Прагу был доставлен текст Мюнхенского соглашения, пока неофициально, на английском языке и без подписей⁵⁶. Реакция президента Бенеша, по словам его секретаря П. Дртины, была следующей: «Это — конец. Вероломство наказывается. Уму непостижимо. Они думают, что спасут себя от войны и революции за наш счет. Ошибаются»⁵⁷. Несколько часов спустя министр иностранных дел К. Крофта получил официальный документ, свидетельствующий о согласии англичан и французов на отторжение от Чехословакии в пользу Германии Судетской области, населенной не только немцами, но и чехами⁵⁸. «Ознакомившись с текстом, президент позвонил советскому послу в Праге С. А. Александровскому с просьбой запросить срочно Москву о том, сможет ли Советский Союз оказать помощь Чехословакии в одиночку в случае ее отказа принять ультиматум и, следовательно, оказания военного сопротивления рейху. Александровский такую телеграмму отправил, но, по словам В. В. Марьиной, как гласит официальная советская версия, по техническим причинам она была получена в Москве только вечером, и ответ Праге уже оказался не нужен. Бенеш, как президент и главнокомандующий, имевший право окончательного решения вопроса, к тому времени принял ультиматум, полагая, что страна не готова в одиночестве противостоять силам вермахта, что кровопролитие, множество жертв и разрушение страны в этом случае неизбежны. Вот что он говорил в связи с этим на заседании правительства 30 сентября: «... с представителями армии были обговорены все возможности ведения изолированной войны, которая оставалась бы нам в том случае, если бы мы отвергли ультиматум и вследствие этого не получили бы никакой помощи ни от Франции, ни от Англии и ни от кого-либо другого, в условиях, если бы на нас напала Польша и Венгрия. В том случае, если бы нам на помощь пришла одна Россия, началась бы война против России, а Англия бы выступила против нас»⁵⁹. С этим после непродолжительных дебатов согласились и председатель правительства генерал Я. Сыровы, и начальник Генерального штаба Л. Крейчи, который до этого являлся сторонником организации вооруженного отпора агрессору, а также большинство министров и политических деятелей, считавших, что сопротивление в сложившихся условиях бесполезно.

Правильным ли являлось в тех конкретных условиях решение президента принять ультиматум и отказаться от военного сопротивления в одиночку? — ставит вопрос В. В. Марьина. На этот счет среди современников Бенеша не было единства. Споры по этому вопросу велись и ведутся исследователями вот уже более

⁵⁵ Марьина В. В. Дипломатия Бенеша после Мюнхенского соглашения. 1939—1945 годы. — Новая и новейшая история, 2009, № 4, с. 59—84.

⁵⁶ Dokumenty československé zahraniční politiky. Československá zahraniční politika v roce 1938. Sv. II. Praha, 2001, dok. № 777, s. 452—454.

⁵⁷ Цит. по: Zeman Z. Edvard Beneš. Politický životopis. Praha, 2002, s. 147.

⁵⁸ О Мюнхенском соглашении см. подробнее: Марьина В. В. Еще раз о Мюнхене (новые документы чешских архивов). — Война. Народ. Победа. Материалы международной научной конференции. Москва, 15—16 марта 2005 г. М., 2008, с. 19—50.

⁵⁹ Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений, т. 3. М., 1978, док. № 387, с. 550. Еще ранее, на заседании правительства вечером 29 сентября К. Крофта говорил, что, согласно заявлению России, она готова вмешаться «в конфликт в случае, если Чехословакия подвергнется нападению и будет протестовать в Лиге Наций. Однако помощь со стороны лишь одной России была бы небезопасной, поскольку привела бы к возникновению антибольшевистского фронта». Во время заседания Бенеш и Крофта констатировали, что СССР охарактеризовал требования Германии как неприемлемые и что он готов выполнить свои союзнические обязательства по отношению к Чехословакии. — Там же, док. № 382, с. 542.

70 лет. Каждая из сторон приводит свои доводы, не лишённые оснований. Критики президента считают, что надо было сражаться, что это дало бы надлежащий морально-психологический эффект, подняло бы национальное самоуважение в первую очередь чехов и словаков и их гордость за готовность защищать с оружием в руках свободу своей родины. Прибавилось бы, как кажется критикам, и уважения к «чехословакам» в мире. Возможно, это и так. Но Бенеш, прагматик и реалист в политике, рассудил иначе. Он не хотел ни крови, ни лишних жертв, ни разрушения страны, полагая, как оказалось впоследствии напрасно, что Гитлер оставит урезанную со всех сторон и по существу нежизнеспособную Чехословакию на некоторое время в покое. Президент, определяя свою стратегию, считал, что рано или поздно война западных держав с гитлеровской Германией неизбежна, что рейх потерпит в ней поражение и что Чехословакия будет восстановлена. Таковы были его мысли, когда он 5 октября 1938 г. в добровольно принудительном порядке (по сути, по требованию Гитлера) сложил с себя обязанности президента. По словам одного из его ближайших соратников журналиста и политика Г. Рипки, экс-президент сказал ему 12 ноября: «Здесь вероятно, всё еще полагают, что Мюнхеном сохранили мир. Все скоро увидят, что, собственно, уже вступили в войну. Мюнхен подтвердил, что война неотвратима. Я не знаю, когда она начнется, может в будущем году, может через два — три года, но думаю, что более чем год это не протянется»⁶⁰. В этом экс-президент оказался прав.

Советский Союз, хотя и не делал официальных заявлений по поводу мюнхенского «сговора четырех» за счет Чехословакии, но определенно осудил соглашение. Советское правительство выступило против измышлений западной прессы о причастности Москвы к подписанию Мюнхенского соглашения, заявив, что оно «не имело и не имеет никакого отношения к конференции в Мюнхене и к ее решениям». 4 октября 1938 г. газета «Известия» напечатала передовую «Политика премиривания агрессора». Подвергнув критике «миротворческую» политику Англии и Франции, газета писала, что «капитуляция так называемых демократических стран перед агрессором, по всей видимости, отдалив войну, в действительности ее приближает и при том в неизмеримо худших для Англии и Франции условиях»⁶¹. Решительно осудил СССР и расчленение Чехословакии в марте 1939 г.

Сам Бенеш впоследствии объяснил свою капитуляцию так: после «мучительных раздумий» он пришел к выводу, что «решиться на войну в этой ситуации мы не можем и — в интересах своих и Советского Союза — не должны. Я полагаю, что это было самое важное мое решение в той критической ситуации»⁶².

Казалось бы этим и объясняется неучастие советских войск, уже выдвинутых к западной границе СССР, в защите Чехословакии⁶³. Но уже многие годы идет спор о причинах невыполнения советской стороной обещанной и реально подготавливавшейся помощи Чехословакии. Некоторые историки даже возлагают на СССР всю ответственность за чехословацкую трагедию. Так, чешский историк Иван Пфафф в 1993 г. опубликовал в Праге книгу с одиозным названием «Советская измена»⁶⁴. И хотя в книге приводятся многие оригинальные документы, но автор все же при-

⁶⁰ Цит. по: *Zeman Z. Edvard Beneš*, s. 157.

⁶¹ Год кризиса 1938—1939. Документы и материалы в 2-х т. М., 1990, т. 1, с. 47—49.

⁶² *Друдера К.* Республика в кредит. Выдержки из книги. — Литературная газета, 5.X.1988, № 40, с. 14.

⁶³ Документы по истории мюнхенского сговора, с. 192—193. См. также статью: *Грылев А. Н.* Накануне и в дни Мюнхена. — Советско-чехословацкие отношения между двумя войнами. 1918—1939. М., 1968, с. 218—227.

⁶⁴ *Pfaff I.* Sovětsks zrada. 1938. Praha, 1993, s. 160.

ходит к выводу, опровергающему его главный замысел. Приводится обращение Э. Бенеша вечером 27 сентября к советскому правительству с просьбой направить в Чехословакию 700 бомбардировщиков и истребителей. Советская сторона якобы ответила согласием. Но было уже поздно. К тому же Бенеш просил только об авиационной поддержке. А это было весьма существенно. И. Пфафф раскрывает суть позиции Бенеша, которая, по его мнению, заключалась в том, что чехословацкий президент опасался присутствия Красной армии в Чехословакии в связи с возможной в этом случае советизации страны. Бенеш считал нужным ограничить помощь СССР только посылкой авиации.

В книге Пфаффа приводятся сведения о заседании чехословацкого правительства 30 сентября 1938 г., когда решался вопрос, принимать или отвергнуть мюнхенский диктат. Бенеш и Крофта решительно отвергли возможность обратиться за помощью к СССР под тем предлогом, что в этом случае западные державы — Англия, Франция и Германия объединятся для борьбы против СССР и Чехословакии»⁶⁵.

Можно согласиться с рецензентом книги И. Пфаффа Ф. А. Молоком, который считает, что Пфафф не обратил должного внимания и на то обстоятельство, что чехословацкое правительство ни разу ясно и в полный голос не заявило о своем непреклонном желании бороться с гитлеровской агрессией. Оно все время колебалось между стремлением отразить нападение Германии и готовностью принять — под давлением франко-английских союзников — гитлеровский диктат⁶⁶.

5 октября 1938 г. Эдуард Бенеш ушел в отставку с поста президента Республики.

Дальше события разворачивались уже без его участия. В марте 1939 г. Чехословакия была полностью оккупирована германскими войсками. В ночь с 14 на 15 марта был опубликован акт о ликвидации Чехословакии.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

После подписания в ночь с 29 на 30 сентября 1938 г. соглашения чехословацкое посольство в Москве продолжало функционировать вплоть до марта 1939 г., когда вся территория Чехословакии была захвачена Германией и само государство Чехословацкая Республика перестало существовать.

Фирлингер в 1939 г. эмигрировал во Францию, затем в Великобританию. Когда в июле 1940 г. в Лондоне было сформировано и признано первое временное чехословацкое правительство, Фирлингер вернулся в Москву в качестве посланника, а с 1942 г. до окончания войны был послом Чехословакии в Советском Союзе. Вместе с президентом Э. Бенешем в Прагу вернулся и З. Фирлингер, ставший председателем правительства Национального фронта чехов и словаков.

Конечно, историк, исследователь давних событий не может руководствоваться принципом «что было бы, если бы...». И все же. Интересны факты, которые приводит уже упоминавшийся К. Дудера. Он считает, что германский вермахт в сентябре 1938 г. отнюдь еще не был той военной машиной, которая позднее вторглась в Польшу. Чехословацкий генеральный штаб в сообщении от 9 сентября указывал: «Что касается германской армии, то ее нынешняя мощь — кажущаяся. К распространяемым слухам о ее возможностях, уровне вооружения, решимости сражаться со всем миром следует относиться с большой долей сдержанности. Ни одна армия не может в столь короткий срок, какой имела Германия в своем распоряжении, высосать из пальца квалифицированные кадры, обзавестись всесторонне подго-

⁶⁵ Pfaff I. Cit. op., s. 120.

⁶⁶ Ibidem.

товленными офицерами и необходимым количеством обученных резервистов... Равным образом нельзя, словно по мановению волшебной палочки, заполучить достаточное количество современного вооружения».

Опубликованные позже сведения сходятся в том, что вермахт имел тогда в своем распоряжении 46 дивизий, из которых для вторжения в Чехословакию предназначались 39. Чехословацкая армия была в состоянии развернуть 42 дивизии, из которых 37 должны были препятствовать вторжению гитлеровских войск. Советский Союз предлагал моментально ввести в действие 30 дивизий, а другие привести в боевую готовность. Французская армия имела, по данным начальника генерального штаба Гамелена, на германской границе 28 дивизий, причем, как отмечает в своих воспоминаниях Черчилль, могла поставить под ружье до 100 дивизий. Таким образом, даже без английского участия налицо был значительный перевес над гитлеровской Германией.

В германском генеральном штабе это понимали. Генерал-фельдмаршал Кейтель показал на Нюрнбергском процессе: «У нас не было сил брать штурмом чехословацкую оборонительную линию». В меморандуме, переданном Гитлеру 16 июля 1938 г., начальник генерального штаба сухопутных войск генерал-полковник Бек предсказывал, что нападение на Чехословакию может «окончиться не только войной, но и общей катастрофой для Германии». С меморандумом согласились многие военачальники. Гитлер заставил Бека подать в отставку.

Британский посол в Берлине Гендерсон с облегчением сообщал 6 октября Галлифаксу: «Сохранив мир, мы сохранили Гитлера и его режим». В этом-то и заключался истинный смысл мюнхенской политики Чемберлена.

Спустя год Гитлер признавался верховному комиссару Лиги Наций в Данциге Брукхарту: «То, что мы узнали о военной мощи Чехословакии после Мюнхена, ужаснуло нас представлением об опасности, которой мы могли подвергнуться... Только тогда я понял, почему мои генералы меня удерживали».

Чехословацкая линия обороны могла стать для гитлеровской армии твердым орешком. Не случайно газета «Франкфуртер цайтунг» спустя несколько недель после Мюнхена констатировала: «Самая тяжелая и самая сложная задача уже позади: уничтожение чешско-франко-советской крепости на нашем восточной рубеже... Наши собственные позиции, экономические, политические и прежде всего стратегические, существенно, если не сказать чрезвычайно, усилились»⁶⁷.

Представляют интерес оценки Мюнхена и его «героев», сделанные Э. Бенешем вскоре после окончания Второй мировой войны: «С 1922 года я был в непримиримом бою с фашизмом, а потом и нацизмом; ни одному, ни другому я не сделал ни разу принципиальных уступок и никогда с ними не мирился»⁶⁸. «Лично я сам уже во время мюнхенских событий и после них видел совершенно ясно, что во всем скрывается не мир, а начало ужасной, фанатической и безумной войны; захват Праги для меня был совершенно ясным началом подлинного европейского и мирового конфликта»⁶⁹.

Да, Бенеш был прав: Мюнхен открыл дорогу к величайшей трагедии XX века — Второй мировой войне.

⁶⁷ Цит. по: *Доудера К.* Республика в кредит. Выдержки из книги. — Литературная газета, 5.X.1988, № 40, с. 14.

⁶⁸ *Бенеш Э.* Речь Президента Республики д-ра Эдварда Бенеша, произнесенная на Староместской площади в Праге 16 мая 1945 г. Прага, 1945, с. 7.

⁶⁹ Там же, с. 8.